

Алена Яворская

Пушкинская улица

Коллаж

Пушкинская улица – самая барственная из всех улиц города в начале своем и чуть ли не одноэтажная в конце – контраст, характерный для первых десятилетий жизни Одессы.

Впрочем, тогда она еще называлась Итальянскою. Похоже, именно о ней писал Пушкин: «Язык Италии златой звучит по улице веселой». Вначале – Итальянская, затем – Пушкинская.

Натан Эйдельман вспоминал о поездке в Одессу:

«Пушкин настолько одессит, что уже никто почти не знает, как называлась раньше Пушкинская улица. О других – пожалуйста: улица Чкалова была прежде Большой Арнаутской, улица Карла Либкнехта – Греческой, а улица Ласточкина – Ланжероновской...

– А как раньше называлась Пушкинская?

– Мосье! (Наконец-то я дождался настоящего обращения!) Пушкинская всегда была Пушкинской.

И я ухожу, стыдливо скрыв, что во времена Пушкина эта улица, естественно, не называлась Пушкинской, а была Итальянской».

Впервые «Итальянская», или «Тальянская», упоминается в 1827 году, с 1880 года улица стала Пушкинской.

Владели домами на Пушкинской семейство Анатра, Рафалович, Маразли, Ралле, Абаза, Вучина. Проектировали их Бернардацци, Моранди, Даллакка, Боффо, Оттон (сын).

Жили на ней люди обеспеченные. Так, купец Герш Фишелевич Томянский в составленном 26 июня 1837 года завещании отписывал трем дочерям «жемчужных, бриллиантовых и алмазных вещей на 30000 каждой», двум сыновьям «новый дом на Греческой... дом на Тальянской улице цокольный, начатой мной и продолженной постройкой и тоже каменный о трех эта-

жах, предположенный под железную крышу, на что все материалы и железо приготовлены, и по учиненной смете с покупателем под оный местом от дворянина Германа, стоящего до сего мне 60000 рублей».

Дворцы, гостиницы («Норд», в которой жил Пушкин, – одна из первых в Одессе, «Парижская», «Европейская», «Бристоль»), биржа, банки, синагога, вокзал. О бирже (она же филармония), вокзале, синагоге, Музее западного и восточного искусства (бывшей четвертой мужской гимназии), Обществе взаимного кредита, доме Маразли достаточно много писали. О гостинице Сикара и того больше. Диссонансом в общем хоре звучит голос английского путешественника Эдварда Мортон, побывавшего здесь в 1827 году: «Норд» – большое здание в центре города. Удобства в нем скудны, а оплата высока... В «Норде» маленькие комнаты, почти без мебели и, что отвратительнее всего, – грязные».

Немного хроники.

15 сентября 1794 года. Олег Губарь разыскал документ о раздаче первопоселенцам мест под застройку домами, лавками, магазинами и обзаведения садами, датированный этим днем. На Ев-

Гостиница «Бристоль»

рейской угол Пушкинской (по нынешнему плану) участки получили Герц и Гершкович.

1855. «На Итальянской улице, в доме Тальянского под № 12, открыта фотография художника Александра Хлопонина, ежедневно с 10-ти часов утра до 4-х вечера. Портреты – 5 и 8 руб. сер. без красок; красками же 12 и 15 руб. сер. сообразно с величиною портрета. Там же преподаются уроки фотографии на бумаге и стекле». Цены, прямо скажем, немалые по тем временам.

8 июля 1863. Рапорт городского архитектора Моранди Строительному комитету № 159. «На перекрестке Итальянской и Почтовой сложен разного сорта камень, которого так много, что для проезда по улицам осталось никак не более трех саженей в ширину, и этим почти что загорожен свободный проезд, в особенности при встречах дрожек или экипажей. На вопрос, для чего сложен этот камень, мне сказали, что для постройки новой синагоги». Так начиналось строительство знаменитой Бродской синагоги.

1869. Н. Мурзакевич в «Одесской старине» дает описание: «Итальянская улица. Слева, начав от здания городской биржи, стоит помещение музея, принадлежащего Одесскому обществу истории и древностей, которое в нем имеет свои заседания. Передний фас построен архитектором Торичелли с образца Палладиевой знаменитой галереи в Болонье, но в уменьшенной пропорции; остальная постройка произведена на счет Общества. В музее собрано множество весьма редких в научном отношении предметов, как то: древних сосудов, вещей, статуй, надписей, монет, планов, рисунков, книг, портретов исторических лиц. Доступ свободен и без платы; имеется печатный краткий указатель музея (цена 20 к.). Общество, учрежденное 25 марта 1839 г., имеет счастье состоять под покровительством его императорского величества с 14 ноября 1839 года, имеет в составе своем членов: почетных, действительных и корреспондентов в России и за границу.

Основатели Общества: Алекс. Скарл. Стурдза, Дмит. Макс. Княжевич, Андр. Яковл. Фабр, Мих. Мих. Кирьяков и Ник. Ник. Мурзакевич.

Общество до сего времени кроме разных книг издало VII томов Записок, содержащих в себе драгоценные сведения, касающиеся Южной России. Записки желающим продаются в его музее. Направо стоит помещение Одесского клуба, имеющее довольно хорошее

собрание русских и иностранных газет и журналов. Далее по разным кварталам идут гостиницы: Европейская в доме Маразли, Парижская в доме Ягницкого, Греческое казино в доме Ралле.

По соседству стоящий дом, теперь купца Рафаловича, построенный г. Абазою во вкусе «renaissance», замечателен по изяществу формы. Дом К. Сикара некогда был занимаем гостиницею Hôtel du Nord, в ресторан которой заходили Вигель, Пушкин, Туманский, Тепляков, граф Самойлов, Ильин, Спада, Никлевич и почти все иностранцы.

В 4 квартале построена недавно так называемая «Новая еврейская синагога», примечательная опрятностью. В 8 квартале дом Попечительного комитета об иностранных поселенцах Южного края России. Кончается Итальянская улица подъездом к железной дороге. Итальянскою прозвана она по домам, большей частью построенным итальянскими купцами, некогда жившими здесь.

1904. Постановление Городской думы: «Разрешить после устройства электрического освещения Пушкинской и части Полицейской улиц, где ныне производится освещение в течение всей ночи, освещать названные улицы электричеством только

Синагога на Пушкинской улице

до 1 часа ночи, а после часа ночи освещать их газовыми фонарями с ауэровскими горелками». Электричество сэкономили уже тогда. Впрочем, как и бульжники.

1909. Постановление Городской думы: «Перемостить Пушкинскую улицу, не расширяя ее, гранитными кубиками, тщательно отделанными... уложенными на бетонном основании... снятыми с Пушкинской улицы кубиками перемостить Прохоровскую».

1910. Для главной строительной конторы по постройке в Одессе трамвая электрической станции и других зданий нанято большое помещение в доме Переца по Дерибасовской и Пушкинской ул.

1913. «Городское управление в целях придания Пушкинской ул. красивого вида признало желательным устройство на тротуарах на всем протяжении улицы цветочных клумб по образцу уже сделанного насаждения на Биржевой площади. С этой целью управа обращается к домовладельцам Пушкинской ул. с просьбой прийти на помощь городскому управлению в деле благоустройства улицы и устроить на свои средства на тротуарах у своих домов предполагаемые клумбы под надзором городского садовника с тем, что цветы будут отпущены из городской оранжереи безвозмездно». Сегодня бы так!

Сказалась на мирной жизни улицы и первая мировая, и гражданская войны. В 1915 наиболее крупные общежития для беженцев размещаются на Разумовской и на Пушкинской улицах.

1918: «Клуб Партии народной свободы. При клубе Партии народной свободы (Пушкинская, 19) имеется образцовый буфет, где с понедельника 1 июля с 12 до 4 дня можно получать завтраки и обеды исключительно для членов партии и членов клуба».

6 декабря 1918. «С наступлением сумерек весь район Пушкинской и других улиц, начиная с Троицкой, оказался во тьме, ввиду того, что электрическая станция выключила по обыкновению этот район. Но на этот раз оказался во тьме и главный пассажирский вокзал».

Январь 1920. «Все иностранные подданные, желающие покинуть Одессу, должны явиться в американский комитет (Пушкинская, 4) со всеми нужными бумагами».

Пересекал Пушкинскую трамвай № 24, соединявший центр и море: Преображенская – Жуковского – Канатная – Сабанский

пер. – главная аллея Александровского парка – Ланжерон.

Улицу эту в начале XX века облюбовали редакции газет и журналов, очевидно, считая, что гений Пушкина им будет покровительствовать. Посудите: № 11 – «Отечественные записки» – еженедельный политический, литературный и художественный журнал. Редактор-издатель – Наум Рашковский. По этому же адресу с 1912 по 1915 гг. размещался «Вестник Одесского общества для надзора за паровыми котлами», редактор-издатель Александр Гулев. В 1920 была контора «ЮгРОСТА».

Храм на Пушкинской

Сообщение в газете: «От ОдукРОСТА... Тов. Дзюбину (Багрицкому), Олеше... зарегистрированным в качестве газетных работников, предлагается явиться в пятницу 28 августа в 1 ч. дня в иногородний инструкторский отдел ОдукРОСТА (Пушкинская, 11, 2 этаж) для получения назначений и инструкций. Нарбут». Здесь делал журналы литературно-критический и политический «Лава» и красной сатиры «Облава» поэт-акмеист и заведующий ОдукРОСТА Владимир Нарбут. А после войны именно здесь была редакция газеты «Моряк».

Дом № 18 кроме учеников второй прогимназии видел в 1917-1919 годах звезд сатирического журнала «Бомба» – Катаева, Олешу, Фазини, Олесевича. А редактора Бориса Флита всевозможные цензурные власти регулярно вызывали в гостиницу «Бристоль» на той же улице для наложения очередного запрета. В ответ на строгое предупреждение не заикаться о чем-либо крамольном, Флит правдиво отвечал: «Ппппростите, нно я заикккаюсь решительно обббо всем».

В июле-октябре 1919 в доме № 26 размещалась редакция «Вестника одобсоюза Одесского облсоюза потребителей обществ».

В 16 номере с 1918 по 1920 годы была контора журнала «Объединение» – «толстого» ежемесячного литературного, научного и политического журнала, редакторами которого были поэт Наум Маркович Осипович и брат известного писателя Семена Юшкевича Павел. В ноябре-декабре 1919 все театральные новости можно было прочесть в ежедневной литературно-театральной газете «Театр».

В № 19 в 1950-е была редакция газеты «Комсомольские племя».

Дом № 32 привлекал редакции, как пыльца пчел: журналы «Театр клуб кино», «Шквал», газеты «Известия», «Молодая гвардия» в 1920-е годы, «Большевистское знамя» и «Черноморська комуна» после войны.

Пять лет (с 1916 по 1919) выходил в Одессе еженедельный иллюстрированный журнал «Театр и кино», который издавал Леонид Камышников. Редакция была в доме № 34.

Необычное название Центродом (Пушкинская, 37) расшифровывалось как центральный комитет подомовой организации г. Одессы, который выпускал с июля 1918 по апрель 1919 одноименный журнал.

Пушкинская, 38. В 1908 любители скачек читали «Рысак – иллюстрированный журнал исключительно по вопросам рысистого спорта, выходит накануне бегового дня Новороссийского общества поощрения рысистого коневодства».

Пушкинская, 54. В 1913-14 годы – адрес газеты «Всероссийское торгово-промышленное и техническое обозрение», редактор-издатель Мирон Абрамович Зак.

Пушкинская, 55. В 1911 кандидат медицины Геттингенского университета Борох Шпенцер выпускал «Вестник медицины, еженедельный журнал, посвященный вопросам медицины».

А в доме № 7 жил потомок польских королей Борис Евстафьевич Стах-Гереминевич, редактор «Одесских известий», к которому заходили Исаак Бабель и Владимир Маяковский.

Писатели не обошли улицу вниманием. Описание Одессы, как правило, обязательно включает и Пушкинскую.

В. Жаботинский, «Пятеро»: «Я начинал шествие снизу, с угла Пушкинской: важная улица, величаво сонная, без лавок на том

квартале; даже большая гостиница на углу почему-то не бросалась в глаза, не создавала суматохи, и однажды я, солгавши друзьям, будто уехал за город, прожил там месяц, обедая на террасе, и никто знакомый даже мимо не прошел. Кто обитал в прекрасных домах кругом, не знаю, но, казалось, в этой части Пушкинской улицы доживала свои последние годы барственная классическая старина, когда хлебники еще назывались негоциантами и, беседуя, мешали греческий язык с итальянским».

В. Катаев в «Белеет парус одинокий» вспоминает прибытие в Одессу гроба с телом генерала Кондратенко, героя Порт-Артура:

«...его поставили на лафет и повезли по широким аллеям одесских улиц на вокзал.

Гаврик видел мрачную торжественную процессию, освещенную бедным сентябрьским солнцем: погребальные ризы священников, кавалерию, городских в белых перчатках, креповые банты на газовых уличных фонарях.

Мортусы в черных треуголках, обшитых серебряным галуном, несли на палках стеклянные фонари с бледными языками свечей, еле видными при дневном свете.

Беспрерывно, но страшно медленно играли оркестры военной музыки, смешиваясь с хором архиерейских певчих.

Нестерпимо высокие, почти воюющие, но вместе с тем удручающе стройные детские голоса возносились вверх, дрожа под сводами вялых акаций. Слабое солнце сквозило в сиреновом дыму ладана. И медленно-медленно двигался к вокзалу посредине оцепленной войсками Пушкинской улицы лафет с высоко поставленным громадным черным ящиком, заваленным венками и лентами».

По Пушкинской российские императоры проезжали из порта к вокзалу. Здесь же стояла временная арка в честь 300-летия дома Романовых.

Один из приездов царской семьи описал живший на Пушкинской Семен Липкин:

«Отец назначил нам свидание у фонтана в Александровском садике, недалеко от нашего переулочка, мама привела меня к нему, он взял меня за руку, в другой руке он сжимал серебряный набалдашник трости, и мы отправились на Пушкинскую. Сейчас вряд ли

кто поверит, что человек, скрывавшийся от полиции, настраивающий рабочих против существующего строя, мог свободно идти по центру города, да еще с какой целью? Посмотреть на царя!

Дойдя до Главной синагоги, мы уже издали услышали голоса военных труб. Кстати, именно эта синагога дала свое название Еврейской улице, точно так же, как Троицкая получила свое название потому, что в конце этой улицы, в начале парка, располагался монастырь св. Троицы, белые здания которого, в чудной своей чистоте выглядывавшие из густой зелени, были уничтожены во время гражданской войны...

Мы свернули на Пушкинскую. Показалась важная процессия. Она двигалась от вокзала по направлению к Николаевскому бульвару, к Воронцовскому дворцу, предназначенному для краткого пребывания царя. По обе стороны улицы стояли любопытные. То не были знатные люди, допущенные по специальным пропускам, кто хотел, тот и пришел, и места впереди, у кромки тротуара, достались не самым проверенным, а самым прилежным.

Нас никто не вздумал останавливать, мы спокойно поднялись на второй этаж. Изю всех окон, с балконов старались разглядеть царя обитатели Пушкинской и их знакомые, большей частью евреи. У нас в городе улицы нередко делились на отрезки, соответствующие материальному и сословному положению жителей. На Пушкинской, начиная от вокзала, вдоль перпендикулярных к ней Новорыбной и Старорезничной с их Привозом, Большой и Малой Арнаутскими (свидетельство, что здесь когда-то селились албанцы, иначе – арнауты), Базарной, Успенской, Троицкой и Еврейской, сосредоточились дешевые, пользовавшиеся дурной славой номера, лавки ремесленников и мелких торговцев, хорошо помню бедную синагогу в глубине обшарпанного двора, а потом, начиная с Жуковской и Полицейской, улица богатела, чванилась, постепенно становилась частью Средиземноморья, появлялись великолепные дома и кариатиды могущественных банков, сверкающие надменной роскошью магазины, изумительное здание биржи (теперь там зал филармонии), построенное и украшенное итальянскими архитекторами и скульпторами, Бродская синагога толстосумов, воздвигнутая галицийскими выходцами из города Броды, первая в Одессе хоральная синагога с орга-

Здание Одесского учетного банка

ном, с готическими башенками и вытянутыми узкими готическими окнами, теперь полуразрушенная, – в сохранившейся изуродованной части размещено какое-то архивное управление.

Когда-то Пушкинская была многоцветной. Говорят, что такой ее впервые увидел Пушкин. Сухие ветры, горячее солнце Новороссии, осенние и зимние дожди, годы военного коммунизма и сплошной коллективизации погубили яркую окраску стен, штукатурку, но при мне в широких, гулких, загаженных, но веющих прежней роскошью парадных еще сохранились росписи. Не знаю, обладали ли они художественной ценностью, но помню то чувство праздника, приобщения к иному, зовущему, загадочному миру, которое охватывало меня, когда я, босоногий, забегал в чужие богатые парадные и смотрел на нарисованных людей и птиц, живущих незнакомой, может быть, вымышленной жизнью.

Конный кортеж двигался медленно. В толпе зевак виднелся только один городовой. Он часто крестился, держа в левой руке фуражку. Буколические, беспечные времена – преступно беспечные, как вскорости выяснилось. Я просунул голову сквозь витую ограду балкона, мне мешал высокий платан. Царя я не запомнил,

хотя мне на него указывали, – вот он, на лошади, но другие военные тоже сидели верхом, а кто из них царь?

Моя двоюродная сестра Дора, которая была на шесть лет старше меня, рассказывала, что она видела на той же Пушкинской не только царя, но и наследника, когда они приехали в Одессу в связи с 300-летием дома Романовых. Это было в год моего рождения. Сестру поразило, что наследника почему-то нес на руках огромный матрос. Наследник был в военной форме.

На этой же улице Липкин учился.

«Я не случайно написал, что хорошо помню синагогу на Пушкинской в глубине обшарпанного двора. Синагог было много, все не упомнишь, да еще такую невзрачную, но дело в том, что под нею помещался мой хедер.

Улица была названа Пушкинской потому, что Пушкин на ней жил, недалеко от моря, от молодого порта, по которому властно расхаживал бывший корсар Морали и куда, то-то радость, на южных кораблях прибывали устрицы. Пушкин жил недалеко от знаменитой ныне Дерibasовской, да, в сущности, и от Садовой, от Ришельевского лицея, где впоследствии учился его младший брат Лев. Дом, в котором жил Пушкин, сохранился, правда перестроенный еще в конце прошлого века, здесь долгое время действовала филия украинского Союза писателей. Пушкин, надо думать, прогуливался по улице, но вряд ли доходил до моего заветного квартала, а тем более дальше, до того дома, где в мое время были бедная синагога и хедер, хотя и этот дом весьма старый, середины девятнадцатого столетия. Я полагаю, что в те годы город обрывался близко от того места, где жил Пушкин, а дальше простиралась то многозеленая, то выгоревшая голая степь.

Ворота двора, который я собираюсь описать, пусть бегло, были низенькие, улица опускалась к ним примерно на пол-аршина. Двухэтажное приземистое здание, выходившее на улицу, казалось сугубо городским по сравнению с широким двором, чья пыльная земля по-деревенски обнажалась, кое-где прикрыв наготу булыжником, а флигельки вокруг были, в сущности, сдвоенными или строеными мазанками. Против ворот было другое двухэтажное здание, без входов, без окон, только арка была прорублена в стене, через арку проходили на черный двор, в конце

его соседствовали сортир и темный подвал с мусорным ящиком. Слева и справа от арки, со стороны черного двора, взбегали на второй этаж узкие деревянные лестницы в синагогу, одна – в помещение для мужчин, другая – в отгороженную часть для женщин. Перед входом в помещение для мужчин имелся так называемый пулэш – вестибюль, что ли, в углу его стояли длинная жесткая метла и ведро, орудия производства Тевеля Винокура, шамеса (служки) синагоги. Он-то и был нашим меламедом (учителем). Его жилье находилось под лестницей и состояло из очень большой полутемной кухни, служившей одновременно и столовой, и спальней для двоих, кажется, детей, и светлой продолговатой комнаты со скошенным потолком. Эта комната и была нашим хедером. Комната замыкалась низенькой нишей, в которой едва умещалась двуспальная деревянная кровать с множеством подушек – видно, на всю семью, – а посередине комнаты почти во всю ее длину простирался стол без скатерти, за которым, склонив головы, сидели ученики – курчавые, стриженные, черные, рыжие – и читали книги справа налево, и лишь изредка поглядывали на стены, на портреты раввинов-богословов, длиннобородых, в лисьих шапках, и только баронет Мозес Монтефиоре, знаменитый филантроп, красовался хотя и в ермолке, но в европейском белом жабо».

Ефим Зозуля о Пушкинской писал иронически: «Хорошая улица! Вегетарианская: по ней еще не ходит трамвай... Впрочем, в нескольких местах он ее пересекает, и там она вегетарианствует меньше... По ней всегда ходят и ездят много новых людей. Это приезжие. Лица у них в большинстве случаев удивленные. В глазах – любопытство. Зато радостных лиц еще больше: это у едущих не с вокзала, а на вокзал».

Об улицах времен гражданской войны в городе выразительнее и емче всего написал А. Козачинский в «Зеленом фургоне»:

«Война вливалась в русла улиц. Каждая улица имела свое стратегическое лицо.

Улицы давали названия битвам. Были улицы мирной жизни, улицы мелких стычек и улицы больших сражений – улицы-ветераны. Наступать от вокзала к думе было принято по Пушкинской, между тем как параллельная ей Ришельевская пустовала. По Пушкинской же было принято отступать от думы к вокзалу.

Орудия били по зданию вокзала прямой наводкой. После очередного штурма на месте больших вокзальных часов обычно оставалась зияющая дыра. Одесситы очень гордились своими часами, лишь только стихал шум боя, они спешно заделывали дыру и устанавливали на фасаде вокзала новый сияющий циферблат. Но мир длился недолго; проходило два-три месяца, снова часы становились приманкой для артиллеристов; стреляя по вокзалу, они между делом посылали снаряд и в эту заманчивую мишень. Снова на фасаде зияла огромная дыра, и снова одесситы поспешно втаскивали под крышу вокзала новый механизм и новый циферблат. Много циферблатов сменилось на фронте одесского вокзала в те дни».

У Катаева иные воспоминания:

«...на углу Пушкинской и Троицкой, где небольшой отряд матросов и красногвардейцев начал строить баррикаду, пытаясь остановить гайдамаков, которые к этому времени вместе с юнкерами внезапным ударом захватили здание штаба военного округа, вокзал и теперь, выйдя на главные улицы – Пушкинскую, Рижельевскую и Екатерининскую, – под прикрытием броневиков быстро продвигались к центру города. ...Ветер нес в глаза пыль, смешанную со снегом, острую, как битое стекло.

Пули свистели вдоль улицы, отскакивали от гранитных обочин, от чугунных крышек канализационных колодцев и уносились, рикошетом выбивая из стен домов штукатурку, с визгом, звоном, скрежетом, завыванием, ударяясь в железные фонарные столбы.

Вокруг был каменный город, пустая гранитная улица – место, не приспособленное для войны. Не за что зацепиться.

Красногвардейцы и матросы прятались в подворотнях и стреляли оттуда боком вдоль улицы в сторону вокзала. Они стреляли стоя, с колена, наконец, лежа, упираясь локтями в булыжник и плитки лавы.

...А через несколько дней в городе состоялись похороны жертв революции.

Хоронили всех вместе – в одной общей могиле посредине Куликова поля.

Наступила оттепель.

День был мокрый, гнилой, как поздней осенью, а не в конце января.

Низко над городом шли темные тучи. Иногда начинался мелкий дождик. Похоронная процессия, растянувшаяся на несколько кварталов, двигалась через весь город, поворачивая с Херсонской на Преображенскую, с Преображенской на Дерибасовскую, оттуда на Пушкинскую и дальше по прямой, как стрела, Пушкинской, по ее мокрой синей гранитной мостовой, к вокзалу, на белом фасаде которого на месте знакомых часов зияла черная круглая дыра от артиллерийского снаряда, попавшего прямо в циферблат.

Около сотни обернутых кумачом гробов, как вереница красных лодок, медленно покачиваясь, плыли один за другим над толпой, длинной и молчаливой, как тяжелая черная туча.

Рабочие окраин, воинские части, остатки гайдамацких куреней, судовые команды, рыбаки, ремесленники, крестьяне из пригородных сел, хуторов и слободок, студенты несли на плечах или на вытянутых руках над головой своих покойников.

Почти за каждым гробом шли родственники, а на тротуарах стояла неподвижная стена горожан, мимо которых двигалась процессия, неся красные знамена и полотнища с белыми и желтыми самодельными надписями: «Вся власть Советам!», «Да здравствует мировая революция!», «Вечная память борцам за коммунизм!».

Иногда в толпе раздавался женский плач, истерические выкрикивания, рыдания.

Кое-где провожающие начинали петь хором «Со святыми упокой» или «Вы жертвою пали». Издалека слышались звуки военного оркестра, с торжественной медлительностью, такт за тактом, отбивавшего своими тарелками и литаврами траурный марш.

Но все эти звуки не могли нарушить громадной, подавляющей тишины, повисшей над городом».

А вот и воспоминания Липкина о редакциях на Пушкинской:

«И вот я аккуратно переписал мои творения в новенькую тетрадку, на зеленой обложке густо чернела голова Троцкого, а под ней изречение: «Грызите молодыми зубами гранит науки», и прямо из школы, никому ничего не говоря, с бьющимся сердцем направился на Пушкинскую улицу, в тот квартал между

Троицкой и Еврейской, где вблизи от дома, в котором я родился, помещались «Одесские известия», а также редакция «Вечерней газеты», комсомольской «Молодой гвардии», тонкого журнала «Шквал», редактором которого был заезжий человек, подписывающийся восточным псевдонимом «Суфи», впоследствии известный Петр Павленко, а его заместителем, беспартийной рабочей лошастью, – образованный, умный, сластолюбивый Станислав Адольфович Радзинский, отец ныне заметного драматурга Э. Радзинского.

Все эти редакции переехали сюда сравнительно недавно из старинного – пушкинских времен – дома Вагнера, занимавшего кварталы на Екатерининской и Дерибасовской, и два обширных проходных двора которого своей скрытой от иногородних сельской сущностью спорили с нарядными фасадами, с кокетливыми вывесками кондитерских, с живописными корзинами цветочниц, с уличной франтовской толпой. А здесь, на Пушкинской, помещалась раньше только типография, и когда я, бывало, проходил мимо, гутенберговский гул казался мне тем же, что, наверно, мусикийский лад лиры для греческих рапсодов, комуз для сказителей киргизского эпоса, вйны для поэтов Индии, не декламирующих, а поющих свои стихи.

Я вошел в подъезд. Ворота напротив вели во двор типографии. Слева было парадное. Я поднялся по его ступенькам на второй этаж.

По коридору с показной озабоченностью сновали мужчины в новомодных роговых очках и женщины, сжимающие покрашенными губами (тогда это было не совсем обычно) папиросы».

Вторит ему еще один уроженец Пушкинской Всеволод Азаров:

«Я родился в четырехэтажном доме с балконами, выходящими на Пушкинскую улицу. Идущая от вокзала к Приморскому бульвару в порт, она была для меня дорогою в живописный, то грустный, то веселый окружающий мир. Рядом с нашим домом стояло серое, как бы покрытое легким налетом свинцовой пыли здание. Тогда в нем работала «фабрика новостей» – редакция местной газеты «Известия», впоследствии названной «Черноморська коммуна». По ночам там громыхали типографские машины, ранним утром с громкой перекличкой заголовков выбегала толпа подростков, неся кипы свежих газет.

Несколькими кварталами дальше по той же Пушкинской улице, между пересекавшими ее Греческой и Дерибасовской, размещалась редакция газеты Черноморского бассейна «Моряк».

И напоследок – одна из самых известных легенд о Пушкинской в передаче Леонида Утесова:

«Есть в Одессе и место, где делаются сделки, – биржа. Это одно из красивейших зданий в городе. Вот история этого здания, как рассказывают ее потомки лепетутников».

В свое время экспортеры и банкиры при поддержке лепетутников выписали из Италии архитектора Бернардацци.

– Бернардацци! – сказали ему, – надо построить биржу, но зал должен быть такой, чтобы не было никакой акустики. Если два человека разговаривают между собой, – чтоб рядом стоящий ничего не слышал. Так нужно для дела.

И Бернардацци построил зал без акустики.

Теперь в этом зале сделали... филармонию».

Впрочем, совсем недавних легенд об этой улице немало. В 1950-х – начале 70-х все уважающие себя молодые писатели и журналисты непременно выпивали по чашечке кофе в баре гос-

Здание биржи

тиницы «Красная». Описано и у Ефима Ярошевского, и у Гарри Гордона. А девушки, прельщавшие интуристов и не только у той же «Красной»? А Николай Сличенко, который во время холеры 1970 (когда город был закрыт, и все спасались от болезни сухим красным вином) пел прямо с балкона гостиницы под восхищенные немедленно выросшей толпы? Долгое время в семидесятые самой яркой приметой были птицы, облюбовавшие несколько кварталов улицы. Они радостно одаривали счастьем (если вспомнить народную примету) отъезжающих, приезжающих и просто одесситов. Неблагодарные горожане решили, что и счастья бывает слишком много. В результате птицы исчезли. А появившийся в самом начале Пушкинской первый в мире памятник взятке (то бишь апельсинам, подаренным Павлу)? Стоял он аккуратно между прокуратурой и горсоветом. Наверное, поэтому его вскоре и перенесли – чтобы не было ненужных ассоциаций.

Одно из последних зданий, построенных на Пушкинской, «Дом с ангелом», или «Дом Литвака». Вообще-то, официально он называется «Центр реабилитации детей-инвалидов Одесского областного фонда «Будущее». Здание это – символ надежды для детей, родителей и всех нас – еще есть на свете подвижники, и держится на них и «Дом с ангелом», и город Одесса, и планета Земля.

